

*Маскулинность как гомофобия:
страх, стыд и молчание в конструировании
гендерной идентичности **

Майкл Киммел

Мы понимаем под мужественностью вечную вневременную сущность, которая глубоко заложена в сердце каждого мужчины. Мы понимаем под мужественностью вещь, качество, которое человек либо имеет, либо не имеет. Мы понимаем под мужественностью нечто врожденное, заключенное в особой биологической конструкции мужчины, результат андрогенов или наличия пениса. Мы понимаем под мужественностью трансцендентное, осязаемое свойство, которое каждый мужчина должен проявлять в мире, награду, даруемую с особой торжественностью юноше-новичку старшими за успешное выполнение трудного ритуала инициации. По словам поэта Роберта Блая* **, «структура, лежащая в основании мужского духа, еще столь же крепка, как и двадцать тысячелетий тому назад»¹.

В этой главе я рассматриваю маскулинность как постоянно меняющуюся совокупность значений, которые мы конструируем через наши отношения с самими собой, друг с другом и с нашим миром. Мужественность не является ни неизменной, ни вневременной; она исторична. Мужественность не есть

© Sage Publication, 1994

Перевод Ивана Кривушина выполнен по изданию Michael S. Kimmel, «Masculinity as Homophobia: Fear, Shame, and Silence in the Construction of Gender Identity», in *Theorizing Masculinities*, in Harry Brod and Michael Kaufman, eds. (Thousand Oaks: Sage Publication, 1994), p. 119-141.

* Данный текст представляет собой детальный эскиз теоретической главы из книги *Мужественность в Америке: Культурная история*. Я признателен Тиму Бенке, Харри Броду, Майклу Кауфману, Ионе Мара-Дрита и Лилиан Рабин за замечания, высказанные по поводу первых вариантов этого текста.

** Блай Роберт (род. 1926 г.) - американский поэт и переводчик; лидер мифопоэтического мужского движения в США (прим. пер.).

проявление внутренней сущности; она социально конструируется. Мужественность не вырывается в сознание из нашей биологической организации. Мужественность означает разные вещи в разные времена и для разных людей. Мы приходим к пониманию того, что значит быть мужчиной в нашей культуре, путем противопоставления наших определений набору «других» - расовых меньшинств, сексуальных меньшинств и, главным образом, женщин.

Наши определения мужественности постоянно меняются, выветриваясь в политическом и социальном поле, где теряют прежний смысл взаимоотношения между мужчинами и женщинами. Действительно, поиск трансцендентного вневременного определения мужественности представляет сам по себе социологический феномен - мы стремимся искать вневременное и вечное в моменты кризиса, в те переходные периоды, когда старые определения больше не работают, а новые пока еще полностью не утвердились.

Из представления, что мужественность социально конструируема и исторически изменчива, не следует, что речь идет о каком-то недостатке, о чем-то, что обедняет мужчин. На самом деле, оно обеспечивает нам нечто исключительно ценное - деятельность, способность действовать. Оно дает нам ощущение исторических возможностей вместо безнадежной покорности, неизменно сопутствующей вневременным внеисторическим сущностям. Наши поступки суть не просто «сама человеческая природа», когда «мальчики всегда остаются мальчиками». Из материала, который находится вокруг нас в нашей культуре (другие люди, идеи, предметы), мы активно творим наши миры, наши идентичности. Мужчины, как индивидуально, так и коллективно, обречены на изменение.

В этой главе я исследую социальное и историческое конструирование как гегемонной, так и остальных форм маскулинности с намерением предложить новую теоретическую модель американской мужественности². Чтобы выполнить свою задачу, мне придется сначала выявить некоторые из тендерных смыслов, скрывающихся в классических социологических и политологических формулировках, что позволит мне поместить возникновение современной мужественности в специфические исторические и социальные контексты. Затем я покажу, каким образом этот вариант маскулинности возник в США, прочертив одновременно и психоаналитический порядок эволюции, и историческую траекторию развития рыночных отношений.

[В этой версии очерка опущены две части - *Классическая социальная теория как скрытое размышление о мужественности* и *Маскулинность как история и история маскулинности*. В первой из этих двух частей М. Киммел анализирует четыре цитаты из Карла Маркса/Фридриха Энгельса, Алексиса де Токвиля*, Макса Вебера и Зигмунда Фрейда и показывает, как эти внешне

* Токвиль Алексис де (1805-1859 гг.) - французский историк и социолог консервативного направления (прим. пер.).

безобидные утверждения отражают западные концепции мужественности и, особенно, суть американской идеологии «мужчины, сделавшего самого себя». Во второй части М. Киммел идентифицирует две превалирующие модели американской мужественности в конце 18 - начале 19 вв.: «благовоспитанный патриарх» и «героический ремесленник». Он выясняет также, каким образом эти модели затмили «рыночный мужчина», новая маскулинная идентичность, появившаяся в 1830-х гг. Большая часть данного исследования представлена в книге *Мужественность в Америке: Культурная история*¹.]

Маскулинности как властные отношения

Термин «рыночная маскулинность» является нормативным определением американской маскулинности. Он фиксирует ее характеристики - агрессию, конкуренцию, тревожность - и пространство, в котором эти характеристики работают - общественную сферу, рынок. Если рынок представляет собой арену, где мужественность тестируется и доказывается, он оказывается гендерной ареной, где означиваются формы напряженности между мужчинами и женщинами и между различными группами мужчин. Эти формы свидетельствуют, что культурные определения гендера теряют свой исходный смысл на спорной территории и сами по себе выступают как властные отношения.

Никакая маскулинность не предполагает равенства; или, точнее, хотя мы все и **созданы** равными, любое гипотетическое равенство быстро испаряется, поскольку наши определения маскулинности имеют неравную ценность в нашем обществе. Существует некая дефиниция мужественности, принятая за стандарт, исходя из которого измеряются и оцениваются все другие ее формы. В доминантной культуре маскулинность, прилагаемая к белому мужчине, принадлежащему к среднему классу и находящемуся в начале зрелого возраста, устанавливает стандарты для других мужчин; исходя из этих стандартов оцениваются другие мужчины, которые в своем большинстве признаются не соответствующими им. Социолог Эрвин Гоффман писал, что в Америке существует лишь «один совершенный и не стыдящийся себя мужчина»: «молодой, женатый, белый горожанин, гетеросексуал с севера, протестант, отец, получивший образование в колледже, полностью занятый, хорошего телосложения, сильный и высокий, недавний обладатель спортивных достижений. Каждый американский мужчина стремится смотреть на мир с такой точки зрения... Любой, кому не удастся квалифицировать себя через какой-нибудь из этих признаков, вероятно, считает себя... недостойным, несовершенным и худшим»⁴.

Мы назовем такую маскулинность «гегемонной», образцом маскулинности мужчин, обладающих властью, который стал стандартом в психологических оценках, в социологических исследованиях и в пособиях, призванных научить

молодых людей стать «настоящими мужчинами»⁵. Эта дефиниция гегемонией мужественности представляет мужчину у власти, мужчину с властью и мужчину власти. Мы приравниваем мужественность к умению быть сильным, успешным, способным, надежным и контролирующим ситуацию. Сущностные определения мужественности, которые мы разработали в нашей культуре, обслуживают власть одних мужчин над другими мужчинами и мужчин над женщинами.

Дефиниция маскулинности в нашей культуре, таким образом, имеет одновременно несколько прочтений. Она касается стремления отдельного мужчины аккумулировать культурные символы, денотаты мужественности, показатели того, что он на самом деле достиг ее. Она касается стандартов, используемых против женщин с целью помешать их включению в общественную жизнь и приписать их к обесцененной частной сфере. Она касается различной степени доступа разных типов мужчин к культурным ресурсам, дарующим мужественность, и тех способов, с помощью которых каждая из этих групп, соответственно, развивает свои собственные модификации данной дефиниции, чтобы реализовать свои претензии на мужественность. Она касается способности самих этих определений служить сохранению в реальной жизни власти мужчин над женщинами и некоторых мужчин над другими мужчинами. <.. .>

Но мы продолжаем смело и амбициозно пытаться соответствовать [установленным критериям]. Американская маскулинность является неустанным испытанием⁶. <...> Какими бы ни были вариации, связанные с расой, классом, возрастом, этнической принадлежностью или с сексуальной ориентацией, быть мужчиной означает «не быть похожим на женщин». Эта идея антифеминности лежит в основе современных и исторических концепций мужественности; иными словами, маскулинность определяется в большей степени от противоположного, то есть исходя из того, чего нет у того или иного индивида, а не из того, чем он обладает.

Маскулинность как бегство от фемининного

В историческом и эволюционном плане маскулинность была определена как бегство от женщин, как отрицание феминности. Начиная с З. Фрейда, мы пришли к пониманию того, что в эволюционном плане главная задача, с которой каждому маленькому мальчику приходится столкнуться, заключается в том, чтобы надежно утвердить свою идентичность в качестве мужчины. <.. .>

В этой модели маскулинность неизбежно связана с сексуальностью. Сексуальность мальчика станет отныне соответствовать сексуальности его отца (или, по крайней мере, конструируемому им образу отца) - угрожающей, хищнической, собственнической и, возможно, карающей. Прежде мальчик стремился идентифицировать себя со своим угнетателем; теперь он сам может стать угнетателем. Но страх остается, страх, что юношу разоблачат как обманщика, как мужчину, не

полностью и не окончательно отделенного от матери. Обязательно найдутся другие мужчины, которые осуществят такое разоблачение. Неудача будет способствовать де-сексуализации мужчины, формированию мнения о его мужской неполноценности. Его будут считать маменькиным сынком, «девчонкой». <.. >

Бегство от феминности является болезненным и нелегким, поскольку мать своей властью может без труда отнять у мальчика мужественность, утверждая его зависимость или, по крайней мере, напоминая ему о ней. Такое бегство постоянно; мужественность становится растянувшейся на всю жизнь попыткой продемонстрировать факт ее достижения, поскольку нужно доказывать другим недоказуемое, в котором мы сами не уверены. Женщины редко ощущают необходимость «доказывать свою женственность» - фраза, сама по себе звучащая нелепо. Женщины знают разные типы кризиса гендерной идентичности; их раздражительность и уязвленность, как и свойственные им симптомы депрессии, идут скорее от их статуса исключенности [из социума], чем от сомнений по поводу того, достаточно ли они женственны⁷.

Желание отречься от матери как свидетельство приобретения маскулинной гендерной идентичности имеет для мальчика три последствия. Во-первых, он отвергает свою реальную мать с ее чертами - заботливостью, жалостью и нежностью, воплощением которых она, возможно, была. Во-вторых, он подавляет эти черты в себе, поскольку они показывают его неполное отделение от матери. Его жизнь становится постоянно осуществляемым проектом, призванным продемонстрировать отсутствие у него свойств, присущих его матери. Маскулинная идентичность рождается в отрицании феминного, а не в непосредственном утверждении маскулинного, что делает маскулинную гендерную идентичность расплывчатой и хрупкой.

В-третьих, <.. > мальчик, кроме того, учится девальвировать в своем окружении всех женщин как живых воплощений тех черт, которые он сам уже научился презирать. З. Фрейд, сознательно или нет, также находил истоки сек-сизма - систематической девальвации женщин - в отчаянных усилиях мальчика отделиться от матери. Мы можем **хотеть** «девчонку», как ту девчонку, которая «вышла замуж за дорогого старого папочку», как поется в народной песне, но мы без сомнений не хотим **быть похожими** на нее. <.. >

Когда это кончится? Никогда. Принять слабость, принять хрупкость и болезненность - значит вызвать отношение к себе как к «девчонке», а не как к настоящему мужчине. Но отношение со стороны кого?

Маскулинность как гомосоциальный спектакль

Ответ: со стороны других мужчин. Мы находимся под постоянным испытующим взглядом других мужчин. Другие мужчины наблюдают за нами, оце-

нивают нас, соглашаются допустить нас в царство мужественности. Именно другие мужчины оценивают исполнение [нами этой роли]. Литературный критик Дэвид Леверенц доказывает, что «идеологии мужественности функционировали в первую очередь в зависимости от бдительного надзора мужчин, равных [по возрасту и положению], и мужского авторитета»⁸. Вспомните о том, как мужчины хвастаются перед кем-то другим своими достижениями - от их последней сексуальной победы до размеров пойманной ими рыбы - и как мы постоянно выставляем напоказ признаки мужественности - богатство, власть, статус, сексуальных женщин - перед другими мужчинами, страстно желая их одобрения.

То, что мужчины доказывают свою мужественность в глазах других мужчин, есть одновременно и результат сексизма, и одна из его главных характерных черт. «Женщины занимают в сознании мужчин столь низкое положение на социальной лестнице в этой стране, что бессмысленно искать признания со стороны женщин, - заметил драматург Дэвид Мемит* . - То, чего мужчины жаждут, так это одобрения со стороны себе подобных». Женщины становятся видом валюты, которую мужчины используют для повышения своего статуса на маскулинной социальной шкале. (Даже эпизоды героических побед над женщинами несут, по моему мнению, элемент гомосоциальной оценки). Маскулинность является **гомосоциальным** спектаклем. Мы испытываем сами себя, совершаем героические подвиги, идем на непомерные риски, и все потому, что мы желаем получить от других признание нашей мужественности.

Маскулинность как гомосоциальный спектакль чревата опасностью, риском неудачи и активной безжалостной конкуренцией. «Любой встреченный вами мужчина обладает рейтингом или оценкой самого себя, с которой он никогда не расстанется и которую он никогда не забывает», - писал Кеннет Уэйн в своей популярной книге советов в начале 20-го века.⁹ Почти столетие спустя другой мужчина сказал психологу Сэму Ошертону что «ко времени, когда ты становишься взрослым, ясно понимаешь, что находишься в постоянной конкуренции с мужчинами за внимание женщин, в спорте, на работе»¹⁰.

Маскулинность как гомофобия

Если маскулинность является гомосоциальным спектаклем, то ее главной эмоцией является страх. Во фрейдовской модели страх перед властью отца охватывает мальчика, заставляя его отказываться от своего страстного влечения к матери и идентифицировать себя с отцом. Эта модель связывает тендерную

* Мемит Дэвид (род. 1947 г.) — американский драматург и кинорежиссер (прим. пер.).

идентичность с сексуальной ориентацией: идентификация мальчика с отцом (обретение маскулинного) позволяет ему теперь вступить в сексуальные отношения с женщинами (он становится гетеросексуалом). Исходя из этого мы можем «прочитывать» чью-либо сексуальную ориентацию по успешной реализации гендерной идентичности. Во-вторых, испытывая такой страх, мальчик не пытается укрыться под властью матери, чтобы защититься от своего отца. Наоборот, он считает, что преодолеет свой страх посредством идентификации с источником этого страха. Мы обретаем маскулинность, идентифицируясь с нашим угнетателем.

Но здесь возникает определенная проблема, которую сам З. Фрейд обозначил, но не разрешил¹¹. Когда мальчик на доэдиповой стадии идентифицирует себя с матерью, он **смотрит на мир глазами матери**. Таким образом, при столкновении с отцом во время великого Эдипова кризиса его зрение оказывается расщепленным: он смотрит на своего отца так же, как и его мать, смешивая благоговение, удивление, страх и **влечение**; одновременно он смотрит на отца так, как он хотел бы смотреть на него, будучи мальчиком, то есть не как на объект влечения, а как на соперника. Отрицание матери и идентификация с отцом только частично разрешает его дилемму. Что же он должен делать с этим гомоэротическим влечением, влечением, которое он испытывал, поскольку смотрел на отца глазами матери?

Он должен подавить его. Гомоэротическое влечение считается фемининным влечением, влечением к другим мужчинам. Гомофобия есть попытка подавить это влечение, очистить все отношения с другими мужчинами, с женщинами и с детьми от какой-либо его примеси и гарантировать, что никто и никогда не сможет принять его за гомосексуалиста. Гомофобное бегство от интимных отношений с другими мужчинами представляет собой отрицание гомосексуального начала внутри себя, которое никогда не бывает полным и поэтому постоянно вновь разыгрывается в любой системе гомосоциальных связей. «Жизнь большинства американских мужчин находится в тисках, их повседневные интересы ограничены постоянной необходимостью доказывать своим близким и самим себе, что они не «девчонки» и не гомосексуалисты, - пишет историк психоанализа Джеффри Горер. - Любой интерес или занятие, которые идентифицируются как фемининный интерес или фемининное занятие, вызывает глубокое подозрение у мужчин»¹².

Даже если мы и не подписываемся под психоаналитическими идеями З. Фрейда, мы, тем не менее, можем сказать, оставив в стороне сексуализированную точку зрения, что отец оказывается первым мужчиной, который оценивает маскулинное поведение мальчика, первой парой мужских глаз, перед которыми он пытается утвердить себя. Эти глаза будут преследовать его всю оставшуюся жизнь. К этим глазам присоединятся глаза других мужчин - глаза тех, кто исполняет такие стандартные роли, как роль учителя, тренера, босса

или героев экрана; глаза его сверстников, его друзей, его товарищей по работе; и глаза миллионов других мужчин, живых и мертвых, от чьего постоянного испытующего взгляда, следящего за его поведением, он никогда не сможет избавиться. «Традиции умерших поколений тяготеют, как кошмар, над умами живых», - так Карл Маркс сформулировал это более столетия тому назад¹³. А вот как говорят об этом два современных психолога: «Свойство, которое каждый американский мужчина получает от рождения, - это хроническое ощущение личной неадекватности»¹⁴.

Кошмар, от которого мы, кажется, никогда не избавимся, - кошмар, что другие мужчины заметят это ощущение неадекватности, заметят, что мы в наших собственных глазах не являемся теми, кем мы стремимся быть. То, что мы называем маскулинностью, - это часто преграда, препятствующая разоблачению нас как самозванцев, то есть чрезмерно расширенный круг видов деятельности, мешающий другим проникнуть в нашу суть, и непомерное усилие, чтобы загнать страхи внутрь себя. Наш подлинный страх - «не страх перед женщинами, а страх быть опозоренными или униженными перед другими мужчинами или оказаться в подчинении у более сильных мужчин»¹⁵.

Такова, следовательно, великая тайна американской мужественности: **мы боимся других мужчин**. Гомофобия является главным организующим принципом нашей культурной дефиниции мужественности. Гомофобия - это нечто большее, чем иррациональная боязнь гомосексуалистов, чем страх быть принятыми за геев. «Слово «faggot»* не имеет никакого отношения к гомосексуальному опыту или даже к боязни гомосексуалистов, - утверждает Дэвид Левененц. - Оно идет из глубин мужественности: это крайне уничижительное прозвище для любого, кто кажется «девчонкой», некрепким и несобранным»¹⁶. Гомофобия представляет собой страх того, что другие мужчины разоблачат нас, перестанут признавать за нами мужественность, продемонстрируют нам и миру, что мы не соответствуем ее [критериям]. Страх заставляет нас стыдиться, ибо признание страха в самих себе доказывает нам самим, что мы не столь мужественны, как это представляем, что мы подобны молодому мужчине в поэме У.Б. Йитса**, «который хорохорится, скрывая под мужественным видом свое робкое сердце». Наш страх - это страх быть униженным. Мы стыдимся бояться.

Стыд ведет к молчанию - молчанию, которое побуждает других людей думать, что мы действительно одобряем все то, что совершается в нашей культуре по отношению к женщинам, к меньшинствам, к геям и лесбиянкам. Тому

* *Faggot* - вязанка, в переносном смысле гомосексуалист (прим. пер.).

** Йитс Уильям Батлер (1865-1939 гг.) - ирландский поэт-символист и драматург (прим. пер.).

испуганному молчанию, когда мы спешно проходим мимо женщины, к которой мужчины пристают на улице. Тому скрытому молчанию, когда мужчины отпускают сексистские или расистские шутки в баре. Тому липкому молчанию, когда парни в офисе делают оскорбительные замечания в адрес геев. Наши страхи суть источники нашего молчания, и молчание мужчин - это как раз то, что позволяет такой системе функционировать. Это, возможно, объясняет, почему женщины часто жалуются, что их друзья или партнеры мужского пола нередко проявляют чуткость, когда они одни, но реагируют смехом на сексистские шутки или даже сами отпускают их, когда они оказываются в компании.

Страх, что тебя посчитают «девчонкой», доминирует в культурных дефинициях мужественности. Он возникает очень рано. «Мальчики в мальчишеской среде стыдятся быть немужественными», - написал один воспитатель в 1871 г.¹⁷ Я заключил пари с одним другом, что я могу прийти на любую спортивную площадку в Америке, где беззаботно играют шестилетние мальчики, и вызову драку, задав один единственный вопрос. Этот вопрос прост: «Кто тут девчонка?». Как только вопрос поставлен, вызов брошен. Обычно происходит одно из двух. Какой-то мальчик обвинит другого в том, что он - девчонка, на что тот ответит, что он - не девчонка, а что девчонка - это как раз сам его обвинитель. Они могут вступить в драку, чтобы решить, кто лжет. Или же целая группа мальчиков окружит одного, и все закричат: «Он, он!»). Этот мальчик либо расплачется и убежит домой в слезах, опозоренный, либо сразу бросится на нескольких мальчишек, чтобы доказать, что он - не девчонка. (А что отец или старшие братья скажут ему, если он предпочтет убежать домой в слезах?). Потребуется некоторое время, чтобы он вновь обрел чувство самоуважения.

Насилие является нередко единственным и наиболее очевидным признаком мужественности. Точнее, речь идет о готовности к борьбе, о желании драться. Происхождение нашей поговорки «ходить с щепкой на плече» обязано обычаю, существовавшему в сельской местности или в небольшом городке в начале 20-го века, когда подросток действительно прогуливался с щепкой на плече - сигнал его готовности потягаться силой с любым, кто попытается сбить ее¹⁸.

Подобно подросткам, мы, взрослые, знаем, что наши сверстники представляют собой разновидность тендерной полиции, постоянно угрожающей разоблачить нас как женственных, как «девчонок». Одной из любимых проделок в мою бытность подростком было попросить какого-либо мальчика посмотреть на свои ногти. Если он подносил внутреннюю сторону ладони к своему лицу и сгибал пальцы внутрь, чтобы посмотреть на них, он выдерживал испытание. Он смотрел на свои ногти, «подобно мужчине». Но если он отводил внешнюю сторону ладони от своего лица и рассматривал свои ногти, вытянув руку, его сразу же высмеивали как «девчонку». Став молодыми мужчинами, мы постоянно объезжаем эти тендерные границы, проверяя ограждения, установленные нами по периметру, гарантируя, что через них не проникнет

ничто даже отдаленно фемининное. Перспектива быть разоблаченными подстерегает нас повсюду. Кажущаяся самой незначительной вещь может представлять угрозу или активировать преследующий нас страх. В день, когда студентам, слушавшим мой курс «Социология мужчин и маскулинностей», предстояло обсуждать проблему гомофобии и дружеских отношений между мужчинами, один из них дал трогательную иллюстрацию [поставленной проблемы]. Увидев, что был прекрасный день, первый день весны после суровой северо-восточной зимы, он возымел намерение прийти на занятия в шортах. «У меня есть действительно великолепная пара новых мадрасских шорт», - пояснил он. - Но затем я вспомнил, что на них изображены лаванда и гвоздика. Тема сегодняшнего занятия - гомофобия. Возможно, сегодня не самый лучший день, чтобы носить такие шорты».

Наши попытки сохранить мужественный вид распространяются на все, что мы делаем. Что мы носим. Как мы говорим. Как мы ходим. Что мы едим. Любой жест, любое движение содержат закодированный гендерный язык. Подумайте, например, о том, что бы вы ответили на вопрос: «Как вы «узнаете», что тот или иной мужчина - гомосексуалист?». Когда я задавал этот вопрос на лекциях или на семинарах, респонденты неизменно давали довольно стандартный перечень стереотипно женственных видов поведения. Он ходит определенным образом, говорит определенным образом, действует определенным образом. Он очень эмоционален; он показывает свои чувства. Одна женщина сказала, что она «распознает» в мужчине гея, если он действительно о ней заботится; другая же заявила, что определяет гея по тому, что он не проявляет к ней интереса и оставляет ее одну.

Теперь изменим вопрос и спросим, что должны делать мужчины-гетеросексуалы, чтобы исключить возможность возникновения у кого бы то ни было «ложного представления» по их поводу. Ответы обычно указывают на исходные стереотипы, на этот раз в виде серии правил того, как не следует себя вести: никогда не одеваться, не разговаривать и не ходить подобным образом; никогда не показывать свои чувства или быть эмоциональным. Всегда быть готовым демонстрировать сексуальный интерес к женщинам, которых ты встречаешь, чтобы ни у одной из них не возникло о тебе «ложного представления». Таким образом, гомофобия, боязнь, что тебя воспримут как гея, а не как настоящего мужчину, побуждает мужчин чрезмерно подчеркивать все традиционные черты маскулинности, включая роль сексуального хищника по отношению к женщинам. Гомофобия и сексизм идут рука об руку.

Риск того, что тебя посчитают «девчонкой», огромен - иногда это вопрос жизни и смерти. Мы идем на непомерные риски ради доказательства своей мужественности, неразумно подвергая опасности свое здоровье, совершая опрометчивые поступки на работе и рискуя получить болезни, связанные со стрессами. Мужчины идут на самоубийство в три раза чаще, чем женщины. Психиатр Уиллард Гейлин объясняет, что это случается «постоянно из-за ощущаемого социального унижения»¹⁹, чаще всего связанного с неудачей в бизнесе. <.. >

При одном обследовании женщин и мужчин спрашивали, чего они более всего боятся. Женщины отвечали, что они более всего боятся быть изнасилованными и убитыми. Мужчины отвечали, что они более всего боятся быть поднятыми на смех²⁰.

Гомофобия как причина сексизма, гетеросексизма и расизма

Гомофобия тесно связана как с сексизмом, так и с расизмом. Страх (иногда сознательный, иногда нет), что другие могут принять нас за гомосексуалистов, побуждает мужчин разыгрывать всевозможные формы излишне подчеркнутого маскулинного поведения и маскулинных отношений с целью гарантировать, что ни у кого не возникнет о них ложного представления. Один из главных элементов этой преувеличенной маскулинности - принижение женщин либо путем исключения их из общественной сферы, либо путем ежедневной их дискредитации в речах и моделях поведения, организующих повседневную жизнь американского мужчины. Женщины и мужчины-геи составляют «иное», в противовес которому гетеросексуальные мужчины проектируют свою идентичность; противодействуя им, эти последние подтасовывают карты, создавая такие условия для состязания, в которых они всегда окажутся победителями, то есть, подавляя женщин и геев, мужчины могут подтвердить свою собственную претензию на мужественность. Женщины несут угрозу распыления мужественности, если берут на себя ответственность за дом, работу и семью, и поэтому их право на это отрицается как смехотворное. Мужчины-геи исторически играли роль истинной «девчонки» в американской народной культуре, поскольку гомосексуализм рассматривается как инверсия нормального тендерного развития. Были и другие «иные». В ходе американской истории «девчонок», немужчин, представляли разные группы, через отрицание которых американские мужчины трансформировали свои собственные дефиниции мужественности, часто с печальными последствиями. На самом деле, эти сменяющиеся группы показывают любопытную картину американского исторического развития.

В начале 19-го века контрастирующей величиной для американских мужчин являлись европейцы и дети. «Истинный американец был сильным, мужественным и прямым, неизнеженным и неиспорченным в противовес существовавшему образу европейца, - пишет Руперт Уилкинсон. - Он одевался скорее скромно, чем нарядно, предпочитая непритязательность стремлению к роскоши; он был обычным свободолюбивым гражданином или джентльменом от природы в гораздо большей степени, чем аристократом-угнетателем или сервильным миньоном»²¹. «Настоящий мужчина» начала 19-го века не был ни знатным, ни крепостным. К середине столетия, однако, место изнеженного ари-

стократа заняли черные рабы. Рабов считали зависимыми, беспомощными мужчинами, не способными защитить своих женщин и детей, а следовательно, лишенными мужественности. На коренных жителей Америки смотрели как на глупых и наивных детей, поэтому их можно было называть «краснокожими детьми великого белого отца» и тем самым не признавать за ними полноценной мужественности.

К концу 19-го века список ненастоящих мужчин пополнили новые европейские эмигранты, особенно ирландцы и итальянцы, которые считались слишком страстными и эмоционально неустойчивыми, чтобы быть сдержанными и твердыми, как дубы, и евреи, которые считались слишком книжно изнеженными и слишком физически хилыми, чтобы в должной мере удовлетворять [критериям мужественности]. В середине 20-го века шаблонами немужественности, против которых американские мужчины направляли свой гендерный гнев, служили выходцы из Азии - сначала, во время Второй мировой войны, японцы, позже, в период Вьетнамской войны, вьетнамцы. Азиатские мужчины воспринимались как маленькие, мягкие и женственные - не как мужчины в полном смысле этого слова.

Такой перечень «полуамериканцев» - итальянцев, евреев, ирландцев, африканцев, индейцев, азиатов, геев - представляет большинство американских мужчин. Следовательно, мужественность возможна лишь относительно особого меньшинства, и ее дефиниция была сконструирована, чтобы воспрепятствовать остальным достичь этого качества. Интересно, что это непризнание за врагами мужественности имеет обратную сторону, причем в равной степени тендерную. Те самые группы, которые исторически рассматривались как лишенные мужественности, одновременно также часто характеризовались как супермаскулинные, как сексуально агрессивные, как дикие хищные звери, против которых «цивилизованные» мужчины должны решительно бороться и таким путем спасти цивилизацию. Так, черные мужчины изображались неистовыми сексуальными животными, женщины - плотоядно-чувственными, мужчины-геи - сексуально ненасытными, южноевропейские мужчины - хищными и прожорливыми, а мужчины из Азии - порочными и жестокими мучителями, безнравственно равнодушными к самой жизни, желающими принести в жертву своим прихотям всех и вся. Но независимо от того, воспринимались ли эти группы как группы женственных «девчонок» или жестоких нецивилизованных зверей, понятия, в которых они трактовались, были тендерными. Эти группы становились «иными» - экранами, отражаясь от которых, формировались традиционные концепции мужественности.

Быть признанным недостаточно мужественным - таков страх, который побуждает американских мужчин отказываться в мужественности другим, что представляет собой способ доказать недоказуемое: кто-то обладает мужественностью в полной мере. Маскулинность оказывается формой защиты против

осознаваемой угрозы унижения в глазах других мужчин, формой, реализуемой посредством «последовательности положений» - вещей, о которых мы можем говорить, которые мы можем совершать и которые мы можем даже обдумывать, но которые, если мы хорошенько поразмыслим о них, заставят нас устыдиться самих себя²². В конце концов, сколь многие из нас отпускали гомофобские или сексистские замечания, рассказывали расистские анекдоты или делали непристойные комментарии в адрес женщин на улице? Сколь многие из нас превращали эти идеи и эти слова в поступки, когда с кулаками нападали на мужчин-геев или принуждали то силой, то хитростью какую-либо женщину, даже если она на самом деле этого не хотела, к сексуальным отношениям, потому что это было важно для пополнения списка своих побед?

Власть и бессилие в жизни мужчин

Я доказал, что гомофобия, страх мужчин перед другими мужчинами, является определяющим условием доминантной дефиниции маскулинности в Америке; что господствующая дефиниция маскулинности представляет собой защитное средство, призванное предотвратить утрату мужественности. В контексте наших усилий по подавлению или преодолению этих страхов доминантная культура взysкивает огромную цену с тех, кто считается недостаточно мужественным, - с женщин, мужчин-геев, мужчин, рожденных за пределами Америки, цветных мужчин. Такая перспектива, возможно, помогает объяснить парадокс в жизни мужчин, когда они действительно обладают всей властью и, однако, не чувствуют себя могущественными²³.

Мужественность приравнивается к власти - над женщинами, над другими мужчинами. Куда бы мы ни бросили взгляд, мы видим институциональное выражение этой власти - в Конгрессе и законодательных собраниях штатов, в советах директоров любой крупной американской корпорации или юридической фирмы, в администрации любой школы и больницы. Женщины уже давно поняли это, и феминистки вот уже три десятилетия бросают вызов как общественным, так и частным формам выражения мужской власти и своему страху перед мужчинами. Феминизм как система теорий, с одной стороны, объясняет страх женщин перед мужчинами, а с другой, вдохновляет их на борьбу с ним и в общественной, и в частной сфере. Женщины-феминистки выдвинули положение, что маскулинность связана со стремлением к доминированию, со стремлением к власти, к завоеванию.

Эта феминистская дефиниция маскулинности как стремление к власти есть результат теоретизирования с позиции женщин. В ней отражается женское восприятие маскулинности. Она предполагает симметрию между общественным и частным, которая не соответствует мужскому опыту. Феминистки счита-

ют, что женщины как группа не обладают властью в нашем обществе. Они также считают, что и каждая женщина в отдельности не ощущает себя сильной. Женщины чувствуют страх и уязвимость. Их представления о социальной действительности и их индивидуальный опыт, следовательно, симметричны. В отличие от них, с точки зрения феминизма, мужчины как группа обладают властью. Следовательно, исходя из того же самого принципа симметрии, феминизм склонен признавать, что и в индивидуальном отношении мужчины неизбежно чувствуют себя сильными.

Именно поэтому феминистская критика маскулинности часто наталкивается на непонимание со стороны мужчин. Услышав мнение, что они обладают всей полнотой власти, многие мужчины реагируют на это скептически: «Что вы имеете в виду, говоря, что мужчины имеют всю власть? - спрашивают они. - О чем вы толкуете? Моя жена командует мной. Мои дети командуют мной. Мой бо ее командует мной. У меня нет никакой власти! Я совершенно бессилён!».

Подобные ощущения мужчин - это не ощущения сильных людей, но ощущения тех, кто считает себя бессильным. Подобные ощущения неизбежно рождаются из разрыва между социальным и психологическим, между общим анализом, показывающим, что мужчины как группа находятся у власти, и психологическим фактом, что они как индивидуумы не осознают себя сильными. Это чувства мужчин, которых воспитали в вере, что они должны чувствовать эту силу, но они ее не чувствуют. Неудивительно, что многие мужчины оказываются уязвленными и недовольными.

Это может объяснить недавнюю популярность мужских семинаров (*workshops*) и уикенд-конференций (*retreats*), призванных помочь мужчинам утвердить свою «внутреннюю» силу, свою «глубинную мужественность» или своего «внутреннего воина». Такие авторы, как Р. Блай²⁴, Р. Мурр и Д. Джиллет²⁵, У Фаррел²⁶ и С. Кин²⁷, с пониманием и уважением относятся к мужским ощущениям бессилия и признают их подлинными и реальными. «Они дают белым мужчинам видимость силы, - замечает Джон Ли, один из руководителей этих уикенд-конференций. - Мы позволим вам управлять страной, но в то же время никаких эмоций, никаких разговоров, и продолжайте терпеть свою боль и свою обиду»²⁸. (Нам не говорят, кто «они» такие.)

Часто идеологи мифопоэтического мужского движения*, под чьей обширной кроной укрываются все группы, помогающие мужчинам вернуть себе эту мифическую глубинную мужественность, используют образ шофера для опи-

*

Мифопоэтическое мужское движение - общественное движение в США в конце 1970-х - начале 1980-х гг., стремившееся рассматривать проблемы мужчин сквозь призму мифологии и поэзии; делало акцент на индивидуальную форму мужского существования (прим. пер.).

сания положения современного мужчины. Кажется, что шофер имеет власть - он носит униформу, занимает место водителя и знает, куда он едет. То есть для стороннего наблюдателя шофер выглядит как человек, осуществляющий управление. Но для самого шофера, замечают они, он - просто тот, кто исполняет приказы. Он вообще не руководит²⁹.

Несмотря на то, что любому известно, что шоферы не имеют власти, этот образ остается привлекательным для мужчин, когда те слышат о нем на уикенд-семинарах. Но в предлагаемом образе существует недостающее звено, звено, остающееся скрытым, поскольку образ этот воспринимается с точки зрения индивидуального мужского опыта, [а не мужчин как группы]. Это недостающее звено заключается в том, что человек, отдающий приказы, также является мужчиной. Следовательно, речь идет о взаимоотношениях между мужчинами - между мужчинами, отдающими приказы, и мужчинами, их получающими. Мужчина, который идентифицируется с шофером, притязает на право быть мужчиной, но на самом деле таковым не становится. (Оказывается, что «они» - это другие мужчины.)

Такие параметры власти включаются в мужской опыт не только как продукт индивидуального опыта, но также как продукт отношений с другими мужчинами. В этом смысле мужской опыт бессилия **реален** - мужчины действительно ощущают его и, несомненно, реагируют на него, - но не **соответствует истине**, то есть он не точно описывает это состояние. В отличие от жизни женщин, жизнь мужчин структурируется вокруг властных отношений и различного доступа к власти, как в индивидуальном, так и в групповом плане. Наш несовершенный анализ нашего собственного положения приводит нас к выводу, что мы, мужчины, нуждаемся в **большей** власти, а не в том, чтобы принуждать себя поддерживать попытки феминисток реорганизовать властные отношения по более справедливому принципу.

Философ Ханна Арендт полностью осознала этот противоречивый опыт социальной и индивидуальной власти: «Власть удовлетворяет способности человека не просто действовать, но действовать сообща. Власть никогда не является достоянием индивидуума; она принадлежит группе и продолжает существовать только до тех пор, пока группа остается сплоченной. Когда мы говорим, что некто находится «у власти», мы, в действительности, имеем в виду, что определенное число людей облакает его полномочиями действовать от их имени. В тот момент, когда группа, где зародилась власть, ... исчезает, «его власть» также приходит к концу»³⁰.

Почему же американские мужчины чувствуют себя такими бессильными? Отчасти ответ заключается в том, что мы сконструировали правила мужественности таким образом, что лишь очень незначительная часть мужчин может считать себя самыми важными из колесиков, самыми крепкими из дубов, наиболее полно порвавшими с фемининностью, самыми смелыми и агрессивны-

ми. Нам удалось отказать в праве быть сильными подавляющему большинству американских мужчин различными способами, например, путем дискриминации по принципу расовой, классовой, этнической, возрастной или сексуальной принадлежности. Мужские уикенд-конференции, призванные восстановить уязвленную глубинную маскулинность, представляют собой лишь одно из средств, с помощью которых американские мужчины в настоящее время борются со своими страхами и со своим стыдом. К сожалению, в то самое время, когда мужское движение прилагает усилия для ликвидации изолированности, царящей в мире мужчин, помогая им выразить эти страхи и этот стыд, оно не принимает в расчет ту социальную власть, которую мужчины продолжают осуществлять над женщинами, и те привилегии, из которых они (ведь основной контингент таких уикенд-конференций составляют белые мужчины среднего возраста из среднего класса) продолжают извлекать выгоду, независимо от их опыта уязвленных жертв деспотической мужской социализации³¹.

Другие по-прежнему говорят о политике исключения; очищая игровую площадку незабываемой тендерной идентичности от всех, кого мы считаем немужественными, - от женщин, мужчин-геев, мужчин, рожденных вне Америки, цветных мужчин - гетеросексуальные белые мужчины из среднего класса получают возможность снова утвердить свое самоощущение и избавиться от преследующих их страхов и затаенного стыда, что они недостаточно мужественны и что их разоблачат другие мужчины. Это мужественность, основанная на расизме, сексизме, гомофобии. Это мужественность, которая столь хронически ненадежна, что дрожит при мысли о снятии запрета геям служить в армии, мужественность, которая чувствует такую угрозу со стороны работающих женщин, что те становятся объектами сексуального насилия, мужественность, которая настолько боится равенства, что ей приходится создавать такие условия мужской конкуренции, при которых любой новичок неизбежно окажется в проигрыше.

Исключение и бегство были главными методами, которые американские мужчины использовали, чтобы справиться со страхом унижения. Страх перед тем, что другие мужчины откажут тебе в мужественности, унижат, воспримут как «девчонку», является лейтмотивом моей трактовки истории американской мужественности. Маскулинность стала непрекращающимся испытанием, посредством которого мы доказываем другим мужчинам, женщинам и, в конечном итоге, самим себе, что мы успешно исполнили нашу роль. Чувство тревоги, которую ощущают сегодня мужчины, - совсем не новое явление в американской истории; мы ощущали тревогу и беспокойство в течение почти двух столетий. Никакое исключение, никакое бегство никогда не приносили нам того освобождения, к которому мы стремились, и нет оснований полагать, что либо первое, либо второе решит наши проблемы в настоящее время. Душевное равновесие, освобождение от тендерной борьбы будут достигнуты только

благодаря политике включения, а не исключения, благодаря защите равенства и справедливости, а не бегству.

- 1 Bly, R. *Iron John: A book about men* (Reading (MA): Addison-Wesley, 1990), p. 230.
- 2 Конечно, выражение «американская мужественность» одновременно содержит несколько фиктивных смыслов. Не существует никакой единой дефиниции мужественности, которая охватывала бы всех американских мужчин: под «Америкой» подразумеваются собственно Соединенные Штаты, и есть важные признаки, указывающие, что эта «американская мужественность» является результатом действия сил, выходящих за пределы тендера и нации, а именно, глобального экономического развития индустриального капитализма. Я использую данное выражение, следовательно, для описания специфической гегемонной версии маскулинности в Соединенных Штатах, той нормативной совокупности отношений, характерных черт и видов поведения, ставших стандартными, исходя из которых оцениваются все остальные маскулинности, и исходя из которых каждый отдельный мужчина изменяет результативность своих гендерных достижений.
- 3 *Manhood in America: A Cultural History* (New York: Free Press, 1996).
- 4 Goffman, E. *Stigma* (Englewood Cliffs (NJ): Prentice-Hall, 1963), p. 128.
- 5 Connell, R.W. *Gender and power* (Stanford (CA): Stanford University Press, 1987).
- 6 Хотя здесь я рассматриваю лишь американскую маскулинность, я учитываю, что другие исследователи связали эту хроническую нестабильность и попытки доказать свою мужественность с особыми культурными и экономическими институтами западного общества. Еще Жан Кальвин страстно осуждал позор «мужчин, преvertingся в женщин», и бесчисленное множество других теоретиков трудились над разработкой механизмов доказательства мужественности. См., напр.: Seidler, V. *Unreasonable men: Masculinity and social theory* (New York: Routledge, 1994).
- 7 Я не собираюсь доказывать, что женщины не испытывают беспокойства по поводу того, достаточно ли они женственны. Спросите у любой из них, что она чувствует, если ее называют агрессивной; это вызовет дрожь в ее сердце, поскольку под подозрением оказывается ее фемининность. (Я полагаю, что причина недавней огромной популярности эротического нижнего белья среди женщин заключается в том, что оно напоминает им, что они еще остаются женственными под их профессиональным деловым костюмом — костюмом, имитирующим маскулинный стиль). Но я думаю, что ставки в этой игре для женщин не столь велики, и что женщины обладают большей, чем мужчины, свободой при определении своей идентичности в таких вопросах. Таков парадокс сексизма. Сильные имеют более ограниченный круг возможностей, чем слабые, потому что слабые могут также под-

ражать сильным и «выйти сухими из воды». Подражание сильным может даже повысить статус, если это делается с шармом и грацией — то есть когда не несет угрозу. Для сильных же любой намек на поведение, напоминающее поведение слабых, является выпадением из нормы.

- 8 Leverenz, D. «The last real man in America: From Natty Bumppo to Batman», *American Literary Review*, no. 3, 1991, p. 769.
- 9 Wayne, K. *Building the young man* (Chicago: A.C. McClurg, 1912), p. 18.
- 10 Osherson, S. *Wrestling with love: How men struggle with intimacy, with women, children, parents and each other* (New York: Fawcett, 1992), p. 291.
- 11 Это сделали некоторые из последователей З. Фрейда, такие как Анна Фрейд и Альфред Адлер. См., прежде всего: Adler, A. *Cooperation between the sexes: Writings on women, love and marriage, sexuality and its disorders*, in H. Ansbacher & R. Ansbacher eds., trans. (New York: Jason Aronson, 1980). Я признателен Терри Каперсу за помощь при обсуждении идей А. Адлера.
- 12 Gorer, G. *The American people: A study in national character* (New York: Norton, 1964), p. 129.
- 13 Marx, K., Engels, F. «The communist manifesto», in *The Marx-Engels reader*, in R. Tucker ed. (New York: Norton, 1848/1964), p. 11.
- 14 Woolfolk, R.L., Richardson, R. *Sanity, stress and survival* (New York: Signet, 1978), p. 57.
- 15 Leverenz, D. «Manhood, humiliation and public life: Some stories», *Southwest Review*, no. 71, 1986, p. 451.
- 16 Leverenz, D. «Manhood, humiliation and public life...», p. 455.
- 17 Цит. по: Rotundo, E A. *American manhood: Transformations in masculinity from the revolution to the modern era* (York: Basic Books, 1993), p. 264.
- 18 Gorer, G. *Op. cit.*, p. 38; Mead, M. *And keep your powder dry* (New York: William Morrow, 1965).
- 19 Gaylin, W *The male ego* (New York: Viking, 1992).
- 20 Noble, V. «A helping hand from the guys», in *Women respond to the men's movement*, in K.L. Hagan ed. (San Francisco: HarperCollins, 1992), p. 105-106.

- 21 Wilkinson, R. *American tough: The tough-guy tradition and American character* (New York: Harper & Row, 1986), p. 96.
- 22 Savran, D. *Communists, cowboys, and queers: The politics of masculinity in the work of Arthur Miller and Tennessee Williams* (Minneapolis: University of Minnesota Press, 1992), p. 16.
- 23 Kaufman, M. *Cracking the armour: Power and pain in the lives of men* (Toronto: Viking Canada, 1993).
- 24 Bly, R. *Op. cit.*
- 25 Moore, R., Gillette, D. *King, warrior, magician, lover* (New York: HarperCollins, 1991); Idem. *The king within: Accessing the king in the male psyche* (New York: William Morrow, 1992); Idem. *The warrior within: Accessing the warrior in the male psyche* (1993); Idem. *The magician within: Accessing the magician in the male psyche* (New York: William Morrow, 1993).
- 26 Farrell, W. *Why men are the way they are* (New York: McGraw-Hill, 1986); Idem. *The myth of male power: Why men are the disposable sex* (New York: Simon & Schuster, 1993).
- 27 Keen, S. *Fire in the bell* (New York: Bantam, 1991).
- 28 Цит. по: *Newsweek*, p. 41.
- 29 Этот образ взят из выступления Уоррена Фаррела на семинаре, участником которого я был, во время Первой международной мужской конференции в Остине (Техас) в октябре 1991 г.
- 30 Arendt, H. *On revolution* (New York: Viking, 1970), p. 44.
- 31 Критику этих мифопоэтических уикенд-конференций см.: Kimmel, M.S. *Op. cit.* Ch. 14; in *Theorizing Masculinities*, in H. Brod & M. Kaufman eds. (Thousand Oaks (CA): Sage, 1994).